

ОЛЬГА РИВИ

ВАДИМ ФАРГ

РЕЦЕПТ ПО ГОСТУ
ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА МИШЛЕН

Ольга Риви
Вадим Фарг
Рецепт по ГОСТу.
Полярная звезда Мишлен
Серия «Рецепт по ГОСТу», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73988132

Рецепт по ГОСТу. Полярная звезда Мишлен / Ольга Риви, Вадим Фарг:

Авторские; 2026

Аннотация

Ледяная карельская ночь, заглохший мотор и непредвиденная встреча трех совершенно разных миров на заснеженной трассе. Когда хищный столичный бизнес сталкивается с суровой таежной реальностью, деньги и статус теряют всякий смысл. Навести порядок сможет лишь тот, кто привык решать проблемы без лишнего пафоса. Это история о том, как ледяющий душу страх сменяется жаром спасительной кухонной плиты, а вселенская катастрофа меркнет перед тарелкой простой горячей картошки с солеными грибами. Но уютное спокойствие в объятиях любимого человека – лишь передышка перед настоящей бурей.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ольга Риви, Вадим Фарг Рецепт по ГОСТу.

Полярная звезда Мишлен

Серия «Рецепт по ГОСТу»

© Вадим Фарг, 2026

© Ольга Риви, 2026

Глава 1

Моя жизнь окончательно свернула куда-то не туда. Знаете, как выглядит безнадежная паника? Я теперь знаю. А тем временем, бывшая жена Миши летела по ночной трассе подальше от нашего санатория. Наша «богиня» инвестиций Елена Викторовна, сейчас была в настоящем ужасе.

Адреналин падал. Тот самый, который толкал её на подвиги, стремительно уходил. И к нашей «бизнесвумен» пришло ледяное, как карельская зима, осознание. Она ведь угнала экскаватор. Снесла ворота санатория Северные Зори. Чуть не убила человека и наняла настоящих бандитов.

В её красивой голове крутились самые смешные и жалкие мысли. Лена живо представляла себя в обшарпанной камере СИЗО. А на соседней шконке сидит потный, вечно ноющий Эдуард Вениаминович Ключев и просит у неё влажную салфетку. Женщины и мужчины отбывают срок в разных учреждениях, но она была уверена, что если Миша подсуется, то её, без затей, засунут к Ключеву. Надо же, и откуда у этого «академика» столько прыти? Но это был скорее риторический вопрос, на деле, ей даже в голову не приходило, что она может познакомиться и с такой стороной своего бывшего мужа.

«Господи, Миша же меня живьём сожрёт за этот цирк. А его дружок Волков ещё и крупной морской солью посып-

лет. И даже не розмариновой!»

От таких перспектив у Лены случился приступ географического кретинизма. В панике она перепутала повороты. Вместо спасительной федеральной трассы она свернула на заснеженную лесовозную дорогу. И конечно же, намертво посадила свой премиальный джип на брюхо. Ровно в той самой колее, где буквально на днях застряли отбитые бандиты Владимира.

Вот так корпоративная акула, привыкшая жрать конкурентов на завтрак, осталась один на один с суровой карельской ночью, сугробами по пояс и полным отсутствием связи.

А я в это время тряслась в прицепе. Моё похищение было самым нелепым событием в жизни. Поначалу я была в сильном шоке. Ну согласитесь, когда вас среди ночи запихивают в прицеп и увозят в лес, тут совсем не до смеха. Но мороз быстро приводит в чувства. Страх как-то отступил, уступив место профессиональному раздражению.

Я сидела на какой-то соломе, кутаясь в тонкую рабочую куртку Михаила, которая совершенно не грела в минус двадцать. Впереди рычал снегоход. За рулём сидел Финн. Местный бандит, которого наняла Лена. И он вёл эту тарантайку так, будто мы дрова везём, а не человека.

Я поправила куртку и откашлялась. Воняло невыносимо.

– Костя! Я крикнула это сквозь оглушительный шум мотора. Он даже не обернулся.

– Костя, чёрт возьми! У вас снегоход жрёт масло! Вы во-

обще проходили техобслуживание перед выездом на дело? Снегоход подпрыгнул на кочке, и я больно клацнула зубами.

– Чего кричишь, Владимировна? Донёсся до меня его приглушённый шлемом голос.

– Сиди тихо, пока не приехали!

– Дышать невозможно! – не унималась я. – У меня рецепторы забьются от этой гари! Я повар, Костя, для меня нос это рабочий инструмент. Вы мне убытки будете возмещать?

Костя сбавил скорость, чтобы не сорвать голос в ответ.

– Какие убытки, женщина? Ты в заложниках! Радуйся, что вообще везу, а не пешком по сугробам гоню!

– Это не отменяет мои претензии! Возмутилась я, хватаюсь за борт прицепа, чтобы не вылететь на очередном ухабе. Сейчас мне нужно было вывести Костю из себя, чтобы он потерял бдительность.

– Почему сани не утеплены? Где хотя бы плед? Термос с горячим чаем? Вы вообще читали отзывы о своём сервисе похищений? Единица вам, Костя. Твёрдая единица на всех агрегаторах!

Финн резко затормозил. Я по инерции съехала вперёд, уткнувшись носом в его широкую спину в дутой куртке. Неужели мой бред начинал работать.

– Слышь, шеф-повар. – он обернулся, подняв визор шлема, и посмотрел на меня с искренним недоумением. – За те копейки, что мне эта мымра московская заплатила, ска-терть-самобранка не предусмотрена. И так бензин за свой

счёт заливал. Сиди и терпи. У меня вообще, может, моральная травма. Я, может, не хотел в криминал возвращаться.

Я фыркнула, пытаюсь отряхнуть кашемировое пальто от какой-то трухи.

– Моральная травма у него. А у меня, по-твоему, что? Спа-процедура? Миша тебе голову оторвёт, когда узнает. И правильно сделает.

При упоминании Михаила Лебедева Костя заметно вздрогнул. Мой Таёжный медведь был здесь местной легендой. И злить его не хотелось никому. Особенно после того, как он начал наводить порядки в санатории.

– Твой Миша далеко. – буркнул Костя, но как-то очень неуверенно. – А нам ещё километров десять пилить. Так что закрой нос варежкой и не отсвечивай.

Он снова завёл снегоход, и мы поехали дальше в темноту. Лес вокруг стоял жуткий. Ветки елей сгибались под тяжестью снега. Где-то вдалеке ухнула сова. Я прижалась спиной к деревянному борту и прикрыла глаза.

В голове сразу появился образ Миши. Как же мне сейчас не хватало его тепла и грубоватых, но таких уютных шуток. Ничего, сказала я себе, Миша меня найдёт. Он всегда всё решает.

Мы проехали ещё минут двадцать. Холод пробирался под одежду, замораживая даже мысли. Я уже перестала ругаться и просто мечтала о горячей ванне и тарелке обжигающей наваристого супа, которую Миша готовил на своей допотопной

плите в тёплой зоне. В такие моменты начинаешь понимать ценность простого куска жареного мяса и горячего чая. Наверное, прав был Миша, когда смеялся над моими идеальными рецептами. Жизнь она вот такая, грязная, холодная, непредсказуемая, но настоящая.

Вдруг снегоход резко вильнул в сторону. Костя грязно выругался и нажал на тормоз. Прицеп занесло, и мы остановились на самом краю глубокого кювета.

– Да что опять не так? – простонала я, растирая ушибленное колено. – Бензин закончился, который ты за свой счёт заливал?

– Хуже. – процедил Костя, вглядываясь в темноту. Я приподнялась на локтях и выглянула из-за его плеча.

Снегоход фарами упирался в чёрный внедорожник. Машина сидела на брюхе в глубокой колее. Вокруг были навалены ветки и еловый лапник, словно кто-то пытался откопаться, но сдался.

А рядом с машиной, прислонившись к капоту, стояла высокая женская фигура в дорогом брючном костюме цвета антрацита. На ногах были нелепые для зимы ботильоны на каблучке. Идеальная укладка слегка растрепалась от ветра.

Елена Викторовна собственной персоной.

Она прикрыла глаза рукой от слепящего света наших фар. Костя заглушил мотор. Наступила тишина, прерываемая только свистом ветра в верхушках сосен. Мы смотрели на неё, а она смотрела на нас. Это была точка схождения

двух самых нелепых маршрутов в истории похищений. Обе стороны находились в неподдельном шоке.

* * *

Как только Лена поняла, кто именно сидит за рулём снегохода, её сковал секундный ступор. А затем сработал рефлекс хищника, который даже в капкане пытается откусить ногу охотнику. Лена выскочила навстречу. Её ботильоны мгновенно ушли в сугроб по самую щиколотку. Я даже с дальнего расстояния услышала, как хрустнул тонкий каблук, когда она попыталась опереться на скрытую под снегом ветку.

– Костя! – завопила она так, что с ближайшей сосны упала приличная шапка снега. – Идиот кусок! Ты что здесь забыл?

Она начала пробираться к нам, смешно задирая ноги, словно цапля на болоте. Её фирменное кашемировое пальто уже успело покрыться белой пылью, а идеальная укладка окончательно сдалась под напором карельского ветра.

– Бросай эту повариху в сугроб! Живо! – скомандовала Лена, едва добравшись до снегохода и тяжело дыша. – Доставай трос и цепляй мою машину! Я опаздываю, время это деньги, Костя! У меня рейс из Петрозаводска через четыре часа!

Я поудобнее устроилась на своей соломе в прицепе, плотнее кутаясь в куртку. Спектакль обещал быть интересным. У меня даже зубы на мгновение перестали стучать от холода.

Костя Финн, этот местный гений криминальной мысли, никуда не торопился. Он спокойно дотянулся до ключа зажигания, повернул его, и рёв мотора наконец-то стих. Наступила та самая лесная тишина, в которой Ленино тяжёлое дыхание звучало как работа сломанного компрессора.

Костя неспеша снял шлем, положил его на сиденье сзади и невозмутимо достал из внутреннего кармана куртки помятую пачку сигарет. Чиркнул зажигалкой, прикрывая огонёк широкой ладонью. Глубоко затянулся, выпустил сизый дым прямо в морозный воздух и только потом посмотрел на свою нанимательницу.

– Елена Викторовна, – протянул он с какой-то ленивой крестьянской рассудительностью, – а мы так не договаривались.

Лена поперхнулась воздухом. Её глаза расширились до размеров чайных блюдец.

– Что значит не договаривались? – прошипела она, делая шаг вперёд и снова проваливаясь в снег. – Я тебе заплатила! Я твой босс на сегодня! А ну марш за тросом!

Костя стряхнул пепел прямо на снег рядом с её ботильонами.

– За бабу эту, – он кивнул в мою сторону, отчего я возмущённо фыркнула, – вы мне половину авансом дали. Это да. А вот за спасательную операцию премиум-класса разговора не было. К тому же, вы мне расписку обещали. О прощении долга за ту пилораму. Помните?

– Какая расписка, Костя?! – Лена взмахнула руками, и я заметила, как её дорогие кожаные перчатки уже покрылись инеем. – Мы в лесу! У меня машина на брюхе сидит! Вытащи меня, и я тебе всё прощу, клянусь!

– Не-е-ет, – протянул Костя, хитро прищурившись. У него явно включился режим сурового прагматизма. – На слово я в лесу никому не верю. Особенно московским. Сегодня вы прощаете, а завтра ваши юристы с меня последние штаны снимут. Сначала бумага, Елена Викторовна. Потом буксир. Иначе никак.

Я не выдержала и тихо рассмеялась. Ситуация была до абсурда комичной. Корпоративная акула, привыкшая жонглировать миллионами и судьбами людей, оказалась бессильна перед простым мужиком в дутой куртке, которому просто нужна была бумажка.

– Да где я тебе ручку возьму?! – сорвалась на визг Лена, хлопая себя по карманам пальто. – И бумагу! У меня в машине только влажные салфетки и контракт на покупку земли! Хочешь, я тебе на салфетке кровью распишусь?!

– Кровью не надо, не по закону это, – спокойно ответил Костя. Он слез со снегохода, подошёл к застрявшему джипу и пнул колесо. Колесо глухо отозвалось. – Ну, вы пока поищите, чем писать. А я так и быть, потихоньку откапывать начну. Чисто из уважения.

И он действительно начал лениво, словно в замедленной съёмке, отгребать снег от переднего бампера руками в тол-

стых рукавицах. Одно движение в минуту. Это была откровенная издёвка, попытка потянуть время и насладиться властью над ситуацией.

Я сидела в своём импровизированном партере, чувствуя, как холод постепенно добирается до костей, но оторваться от этого зрелища не могла.

– Костя, – громко сказала я, подаваясь вперёд, – вы неправильно используете рычаг.

Оба резко обернулись ко мне. Лена посмотрела так, будто я только что предложила добавить в её любимое шампанское дешёвый сироп.

– Чего? – не понял Финн, выпрямляясь и утирая нос рукавом.

– Рычаг, говорю, неправильный. То, как вы сейчас копаете, это как взбивать белки вилкой. Долго, неэффективно и результат нулевой. Вам бы лопату, а ещё лучше домкрат. Но раз уж у вас только руки, копайте под углом, освобождайте полуоси.

Костя почесал затылок, явно переваривая информацию.

– Слышь, шеф-повар, ты бы помалкивала. Тебя вообще тут не спрашивают.

– Вишневская! – рявкнула Лена, подлетая к прицепу. Её лицо пошло красными пятнами то ли от мороза, то ли от бешенства. – Закрой свой рот! Из-за тебя я торчу в этом проклятом лесу! Если бы ты просто собрала свои вещи и уехала по-хорошему, ничего бы этого не было!

Я спокойно посмотрела на неё, игнорируя то, как трясутся её руки.

– А вы, Елена Викторовна, зря так кричите. Во-первых, акустика здесь так себе. Во-вторых, только медведей разбудите. Лес всё-таки.

Лена презрительно скривилась, её красные губы превратились в тонкую нитку.

– Каких ещё медведей, дура? Зима на дворе! Они спят!

Я пожалала плечами, чувствуя, как внутри разливается странное тепло от предвкушения.

– Ну, обычные может и спят. А вот один конкретный Медведь сюда уже точно едет. И поверьте, он очень злой. Я бы на вашем месте начала писать расписку прямо на снегу, пока есть время.

Смысл моих слов дошёл до неё не сразу. А когда дошёл, я увидела, как в её глазах мелькнул неподдельный страх, который она так тщательно скрывала за дорогими костюмами и агрессивным макияжем. Она вспомнила Мишу, который теперь явно не настроен на светские беседы.

– Ты блефуешь, – неуверенно произнесла она, делая шаг назад. – Лебедев ничего не знает.

– Да ладно? – я усмехнулась. – Вы правда думаете, что в санатории можно незаметно украсть шеф-повара? Да там Люся уже половину района на уши подняла, а Миша всё понял ещё до того, как мы свернули с трассы.

Лена резко развернулась к Косте, который продолжал ме-

ланхолично ковырять снег ногой.

– Быстро! – завизжала она так, что у меня заложило уши. – Быстро достал трос и вытянул мою машину, иначе я вас обоих в асфальт закатаю! Вы у меня до конца жизни будете долги отрабатывать!

Она начала размахивать руками, пытаясь схватить Костю за грудки, но только поскользнулась и чудом удержалась на ногах, ухватившись за зеркало заднего вида своей машины.

Костя отступил на шаг и недовольно поморщился.

– Елена Викторовна, ну ё-моё. Не машите вы так руками. Снег же с веток летит, прямо за шиворот. Холодно вообще-то. И не надо мне угрожать. Я мужик нервный, могу и пешком уйти.

Он демонстративно отвернулся от неё и подошёл к снегоходу, делая вид, что проверяет багажник. Лена стояла возле своей машины, тяжело дыша, растрёпанная, жалкая, полностью потерявшая контроль над ситуацией. Вся её корпоративная спесь разбилась о суровую реальность, где деньги ничего не решали без куска бумажки и крепкого троса.

Я смотрела на неё и вдруг поняла, что мне её даже не жаль. Ни капельки. Эта женщина пришла в наш маленький мир, чтобы всё разрушить. Она хотела отобрать у Миши санаторий, выгнать на улицу людей и стереть с лица земли место, где простые трудяги находили уют и покой. И всё ради чего? Ради очередной строчки в банковском счёте.

– Ну что, договорились? – спросила я, прерывая затянув-

шуюся паузу. – Или будем ждать весны? У меня, если честно, ноги уже немеют. Костя, у вас там точно нет заначки с горячим чаем?

Костя только буркнул что-то неразборчивое, копаясь в багажнике. Лена молчала, сверля меня полным ненависти взглядом. Казалось, она просчитывает в уме варианты, как бы половчее придушить меня голыми руками, чтобы не испортить маникюр.

И в этот самый момент всё изменилось.

Земля под слоем снега будто ожила. Потом до наших ушей донёлся низкий, утробный рокот мощного дизельного двигателя.

Я резко обернулась. Со стороны той самой просеки, откуда мы приехали, сквозь густые заросли ельника пробивался яркий свет.

– Костя, – голос Лены дрогнул, она вцепилась в дверную ручку своей машины так, что побелели костяшки пальцев. – Что это?

Финн медленно выпрямился, выронил сигарету прямо в снег и сглотнул. Вся его расслабленность испарилась в мгновение ока.

– Кажется, – пробормотал он, делая шаг назад от снегохода, – бумажки отменяются.

Внезапно лес залило ослепительным, режущим глаза потоком мощного ксенонового света. Прожекторы ударили прямо по нам, выхватывая из темноты каждую снежинку и

каждую эмоцию на наших лицах. Рёв двигателя стал оглушительным. Огромный тёмный силуэт вынырнул из-за поворота, ломая мелкий кустарник и разбрасывая сугробы массивным бампером, словно это были кубики детского конструктора.

Машина с визгом тормозов остановилась всего в паре метров от нас, подняв целую метель. В наступившей тишине было слышно только, как тяжело и ровно работает мощный мотор.

Дверь со стороны водителя с громким щелчком открылась. На снег опустился тяжёлый ботинок. Я затаила дыхание, чувствуя, как сердце забилося где-то в самом горле. В свете фар появилась массивная фигура, знакомый до боли широкие плечи. Миша. Мой Таёжный медведь. И судя по тому, как он сжал в руке двуствольное охотничье ружьё, переговоры обещали быть очень короткими и максимально эффективными.

Глава 2

Повесив ружьё на плечо, Миша выглядел так, словно вышел не на разборки с бандитами, а просто прогуляться за дровами. На нём был всё тот же дурацкий, но такой родной вязаный свитер, который я уже мечтаю сжечь. Сверху накинута растёгнутая куртка. От этого ледяного, почти пугающего спокойствия стало по-настоящему жутко даже мне.

Лена попятилась. Её надменное лицо перекошило от ужаса. Она вжалась спиной в холодный металл своего застрявшего джипа, словно пыталась слиться с ним воедино.

– Миша. – пискнула она, и её голос сорвался на хрип.

Но он её даже не удостоил взглядом. Миша прошёл мимо своей бывшей жены так, словно на её месте лежал обычный сугроб или пустая консервная банка. Тяжёлые ботинки хрустели по снегу, уверенно приближаясь к нелепому прицепу снегохода.

Я сидела на соломе, вцепившись замёрзшими пальцами в борт прицепа. Внутри всё дрожало, но уже не от холода. Облегчение накрыло меня с такой силой, что на глаза навернулись слёзы. Но я же Снежная королева. Я же шеф-повар со звездой Мишлен. Я просто не могла позволить себе разрыдаться на глазах у этих дилетантов.

Миша остановился напротив меня. В свете фар его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах плясали тёплые

искры.

– Цела? – спросил он тихо, но этот голос перекрыл даже гул мотора его машины.

Я шмыгнула носом, пытаясь придать себе максимально независимый вид.

– Замёрзла и злая. – фыркнула я, поправляя сползшую с плеч куртку. – Забери меня от этих дилетантов, Миша.

Уголки его губ едва заметно дрогнули. Он протянул свою большую, покрытую старыми шрамами руку, и я вцепилась в неё так, будто это был спасательный круг. Его ладонь была невероятно горячей.

Затем Миша медленно повернулся к Косте. Финн стоял у своего снегохода, втянув голову в плечи. Вся его прагматичность куда-то испарилась, уступив место животному инстинкту самосохранения.

– Костя. – будничным тоном произнёс Миша. Без криков, без лишнего пафоса, просто констатировал факт. – У тебя сейчас есть ровно два варианта.

Костя судорожно сглотнул, не смея даже пошевелиться.

– Первый вариант. – продолжил Миша, переступая с ноги на ногу.

– Ты сейчас молча садишься на свой драндулет, едешь домой, пьёшь горячий чай и навсегда забываешь этот вечер. Забываешь эту дорогу, эту женщину и мою Марину.

При слове «мою» у меня внутри всё сладко сжалось.

– А второй вариант? – хрипло выдавил из себя Финн.

– А второй вариант тебе не понравится. Миша слегка поправил ремень ружья на плече.

– Ты едешь в багажнике моего крузака на дачу к майору Волкову. А Саня сегодня очень злой, у него проверка из столицы. Выбирай, Костя. Я никуда не тороплюсь.

Костя нервно облизал обветренные губы и покосился на Лену.

– Михаил Александрович, я всё понимаю. – замялся бандит, переминаясь с ноги на ногу.

– Но как же долг? Елена Викторовна мне расписку обещала. За пилораму. Я же чисто по бизнесу в это вписался.

Миша коротко усмехнулся.

– Лена тебе ничего не простит, Костя. И не потому, что не хочет. А потому, что не может.

Он повернул голову и наконец-то посмотрел на свою бывшую жену. Лена стояла белая как мел.

– У неё все счета с самого утра заморожены. – спокойно добил Миша.

– Ею уже сутки ФСБ занимается. Волков постарался, поднял старые связи. Все её активы арестованы за махинации с землёй. Твоя нанимательница банкрот, Костя. У неё даже на билет до Москвы денег нет, не то что на твою пилораму.

Лена открыла рот, чтобы что-то возразить, но из горла вырвался только сдавленный хрип. Она инстинктивно схватилась за воротник своего пальто.

Прагматичный мозг Кости Финна переварил информа-

цию за секунду. Он мгновенно оценил все риски, посмотрел на свой снегоход, потом на Лену, а затем на Мишу.

– Понял вас, Михаил Александрович. Чётко, почти по-военному отрапортовал Костя. Он схватил свой шлем и одним прыжком оказался в седле снегохода.

– Здоровья вам. И невесте вашей. Счастья, так сказать, в личной жизни. Я поехал чай пить. На меня не обижайтесь. Сами понимаете, работа у меня такая.

Двигатель взревел. Костя дал по газам так, что из-под гусениц во все стороны полетел снег. Через секунду красный габаритный огонь его снегохода скрылся за деревьями. Мы остались втроём.

Лена отлипла от своей машины и сделала неверный шаг в нашу сторону. Её губы тряслись. Вся её спесь, вся эта маска успешной бизнес-леди рассыпалась в прах. Передо мной стояла жалкая, сломленная женщина в испорченных ботильонах и дорогих, но совершенно бесполезных шмотках.

– Миша. – заскулила она, заламывая руки.

– Миша, это же неправда, да? Про счета. Скажи, что ты просто пугаешь этого идиота.

Миша ничего не ответил. Он аккуратно взял меня под локоть и повёл к своему внедорожнику.

– Миша, подожди! Лена сорвалась на истеричный крик, проваливаясь в снег и пытаясь нас догнать.

– Ты не можешь меня здесь оставить! Я же замёрзну! Мишенька, ну вспомни, мы же были счастливы! Вспомни нашу

квартиру на Патриарших! Я же ради тебя старалась! Забери меня отсюда, пожалуйста!

Она плакала, размазывая по лицу потёкшую тушь. Это было так жалко и унижительно, что я даже отвернулась.

Миша открыл пассажирскую дверь. Из салона повеяло теплом. Я забралась на сиденье, чувствуя, как начинают оттаивать заочневшие ноги.

Мой Таёжный медведь заботливо захлопнул за мной дверь, отсекая холодный воздух. Затем он не спеша повернулся к бывшей жене. Лена стояла в паре метров от него, дрожащая, умоляющая, готовая упасть на колени в грязный снег.

– Не волнуйся, Лена. – его голос звучал ровно, без капли жалости или злости. Как будто он читал прогноз погоды. – За тобой уже выехали ребята из органов. Волков отправил наряд. Будут минут через сорок. Так что достойная компания тебе обеспечена.

Он поправил ремень ружья, собираясь обойти машину и сесть за руль.

– Миша, умоляю! – взвизгнула она, хватаясь за голову. – Я не хочу в тюрьму! Спаси меня!

Он остановился у водительской двери, посмотрел на её застрявший в сугробе премиальный джип и бросил последнюю фразу.

– Ты только лопатой махать не забывай, Лена. Движение, знаешь ли, это жизнь. А то замёрзнешь до приезда оперов.

Не хочу потом объяснять, почему главная подозреваемая превратилась в ледяную скульптуру.

Миша сел в машину и захлопнул дверь. Внутри было тихо и спокойно. Он завёл двигатель, переключил передачу, и наш огромный внедорожник плавно сдал назад, выезжая на накатанную колею.

В зеркало заднего вида я видела, как Лена осталась стоять одна посреди тёмного леса. Она кричала, размахивала руками, пинала колёса своей бесполезной машины, вопила от бессилия в эту снежную тишину. Но сквозь хорошую шумоизоляцию машины её криков не было слышно.

Я откинулась на мягкий подголовник и прикрыла глаза. Внутри разливалось тепло.

– Всё закончилось. – тихо выдохнула я, поворачивая к нему голову.

Миша улыбнулся, протянул руку и накрыл мою холодную ладонь своей большой, шершавой ладонью.

– Всё только начинается, Владимировна. Тепло ответил он, не отрывая взгляда от заснеженной дороги.

– Сейчас приедем, я тебе такую ухи наварю, пальчики облизешь. Никакие твои соусы рядом не стояли.

Я хотела язвительно ответить, что в ухе главное правильный бульон, а не количество рыбы, как вдруг поняла, что совсем не хочу этого делать. Этот мужчина только что меня спас, а я буду его воспитывать по поводу готовки.

Мы ехали по заснеженной трассе. В салоне внедорожника было жарко. Печка работала на полную мощность. Я сидела на пассажирском сидении и смотрела в окно. Сплошная стена из ёлок проносилась мимо, но темнота за стеклом меня больше не пугала.

Сначала я держалась молодцом. Пыталась сохранить лицо. Но как только мы отъехали на расстояние от Лены меня резко накрыло. Это был тот самый адреналиновый отходняк. Мелкая дрожь пробежала по телу от кончиков пальцев до макушки. Зубы начали отбивать тихую чечётку. Я крепко обхватила себя руками, изо всех сил пытаюсь унять эту дурацкую реакцию.

Миша всё понял без слов. Он вообще умел читать меня как открытую книгу. Он не стал лезть с расспросами. Не стал меня успокаивать, гладить по голове или говорить банальные фразы. Он действовал интуитивно и это было правильно. Он просто дотянулся до регулятора на панели и выкрутил обогрев салона на максимум. Затем он одной рукой ловко стянул с себя тёплую куртку и набросил её мне на плечи. Куртка была тяжёлой, но уютной. Я с благодарностью зарылась носом в воротник, вдыхая этот запах.

Потом он протянул ладонь, и нашёл в темноте мои пальцы и крепко сжал их. Это простое прикосновение дало мне

чувство безопасности, которого мне так отчаянно не хватало в моей стерильной старой жизни. Всю оставшуюся дорогу до санатория мы ехали в молчании. Я просто держалась за его руку, цепляясь за неё изо всех сил.

Когда мы добрались до территории «Северных Зорь», время перевалило за полночь. Санаторий спал. Мы тихо зашли на кухню через заднюю дверь, чтобы никого не разбудить.

Внутри царила густая тишина. Её нарушал только монотонный гул старых холодильников, стоящих вдоль стены.

Я остановилась на пороге. Меня всё ещё потряхивало после этой ночной лесной прогулки. Моей психике срочно нужно было за что-то зацепиться. За что-то привычное и логичное. И мой мозг, годами привыкший к жёстким правилам ресторанов высокой кухни, выбрал проверенный защитный механизм. Я включила режим маниакального контроля над рабочими процессами.

Я сбросила куртку на стул. Немного растрёпанная, но целеустремлённая, я уверенно подошла к рабочему месту. Машинально отряхнула фартук, который я так и не успела снять перед похищением. Опустила взгляд на пол. Красная линия из строительного скотча, которая разделяла наши кулинарные зоны, была на месте. Я решительно перешагнула её. Привычным движением чиркнула зажигалкой у газовой конфорки, зажигая огонь, и как ни в чём не бывало зашагала напрямиком в кладовую.

В кладовой при кухне царил полумрак. Вдоль стен стояли стеллажи. На них рядами выстроились банки с соленьями, вареньем и компотами. Я схватила первую попавшуюся банку и направилась обратно в зал.

Миша всё это время стоял посреди кухни и молча наблюдал за моими перемещениями. Я подошла к разделочному столу из нержавеющей стали и со стуком поставила на него свою добычу. Внутри банки в мутном рассоле плавали солёные грузди. Видимо кто-то принёс, пока нас не было.

Я сурово сдвинула брови к переносице и упёрла руки в боки. Накопленный за ночь стресс требовал выхода. И он нашёл выход в самой нелепой форме.

– Лебедев. – строго и громко сказала я.

– Да, Марин? Он смотрел на меня сверху вниз с понимающей улыбкой.

– Если меня ещё раз похитят во время готовки ужина, я за себя не отвечаю. – выпалила я на одном дыхании, жестикулируя руками. – И поверь мне, плохо будет не этим лесным дилетантам с их снегоходом. Плохо будет лично тебе, Миша! Потому что происходящее находится уже за гранью моего понимания!

Я всплеснула руками, возмущённо указывая на пустые кастрюли и сковородки. Моё негодование было искренним. Я в ту минуту забыла про бандитов, про сумасшедшую Лену, про мороз и реальную опасность. Меня волновала только одна проблема.

– У меня летит весь тайминг выдачи блюд, Михаил! Ты вообще понимаешь, что все заготовки на завтрашний день испорчены? Утка не замаринована по правильной технологии! Аппарат су-вид был выключен из розетки! Это катастрофа, а не кухня! Как я вообще должна работать в подобных условиях? У меня гости с утра придут на завтрак, а я им что, сухари с водой подам на стол?

Миша тихо и искренне рассмеялся. Он смотрел на моё внезапное кулинарное безумие с такой нескрываемой нежностью, что мне стало немного стыдно за свою истерику. Но остановиться я уже физически не могла, слова вылетали сами собой. Миша всё понимал и поэтому спокойно, не перебивая слушал. Моим эмоциям требовался выход, а он не мешал.

Он шагом подошёл к дальней стене кухни. В углу возле раковины стояли пластиковые вёдра и деревянные швабры для мытья полов. Миша небрежно прислонил своё охотничье ружьё прямо к ним. Соседство огнестрельного оружия и инвентаря для уборки выглядело до абсурда комично. Под стать нашей жизни, сейчас.

Затем он подошёл ко мне со спины. Его руки уверенно легли мне на плечи. Он крепко, но при этом бережно обнял меня, притягивая к себе поближе. Я почувствовала тепло его груди сквозь одежду. Миша ласково уткнулся носом мне в макушку, вдыхая мой запах.

– Не похитят, Вишенка. – тихо и спокойно произнёс он

мне на ухо. – Я с этим делом разберусь. Обещаю тебе. А теперь выдыхай. И давай сюда свои солёные грузди.

Его слова подействовали на меня как выключатель. Всё накопившееся нервное напряжение, весь этот комок страха внутри меня вдруг лопнул. Я с облегчением выдохнула и устало откинула голову ему на плечо. Мои руки сами собой опустились вдоль туловища. Я наконец-то позволила себе расслабиться в его объятиях. Кухня, жёсткие тайминги, кастрюли, меню на завтра, всё это мгновенно отошло на задний план. Значение имело только это живое тепло.

Мы простояли в таком положении несколько минут. Мы просто стояли и наслаждались тишиной и присутствием друг друга в этом странном месте.

Потом Миша мягко отстранился от меня, взял со стола банку с груздями и подцепил крышку острием ножа. Раздался хлопок. Яркий запах чеснока и укропа тут же заполнил пространство кухни.

– Садись за стол. – мягко скомандовал он, указывая кивком головы на табуретку.

– Сейчас мы с тобой будем ужинать. Ты со вчерашнего дня маковой росинки во рту не держала.

Я послушно опустилась на табуретку. Миша достал из холодильника кастрюлю с отварной картошкой, разогрел её прямо на раскалённой сковороде, посыпал укропом и поставил передо мной тарелку. Рядом он плюхнул ложку сметаны и выложил горку тех самых солёных груздей. Никакой ре-

сторанной эстетики. Никаких микрозеленей и пинцетов для укладки. Это была просто еда. Интуитивно понятная и аппетитная.

Я взяла алюминиевую вилку и жадно наколола на неё гриб. Он звонко хрустнул на зубах. Это было настолько вкусно, что я чуть не застонала вслух от удовольствия.

Миша сел напротив меня, удобно подперев небритый подбородок рукой, и с доброй улыбкой наблюдал, как я уплетаю его стряпню.

– Ну как там поживает твой тайминг? Хитро прищурился он, наливая кипяток в заварочный чайник.

– Идёт строго по утверждённому плану – прожевав картошку, серьёзно ответила я.

– Знаешь, Лебедев, а ведь твоя Лена там, в лесу, наверное, до сих пор лопатой машет вокруг машины.

Мы переглянулись и почти одновременно рассмеялись. Нервный смех наконец-то вырвался наружу. Вся эта ситуация казалась нам обоим настолько сюрреалистичной, что в неё было сложно поверить. Бывшая жена со статусом миллионерши, вороватый бандит, сломанный снегоход без бензина и мы, спокойно сидящие на кухне с картошкой и заряженным ружьём в углу.

– Волков её уже наверняка оформил в отделении, не переживай. Усмехнулся Миша, наливая мне чай из пузатого чайника прямо в кружку. – Теперь у неё появится очень много времени, чтобы подумать о своих инвестициях. Далеко от-

сюда.

Я сделала глоток обжигающего чая. Внутри стало совсем хорошо и тепло.

– Слушай, Миша. Я аккуратно отставила кружку в сторону.

– Нам ведь нужно всё это дело как следует отпраздновать. Мы ведь отбили наш санаторий. Владимир слился, Лена полностью нейтрализована.

– Предлагаешь организовать банкет? – Миша удивлённо поднял бровь, глядя на меня.

– Именно так. Самый масштабный банкет. Скрестим твою базу и мои технологии. Сделаем пельмени с каким-нибудь невероятным соусом из сметаны. Или наваристую уху с дымком красиво подадим в тарелках. Я полностью возьму на себя холодные закуски, а ты приготовишь горячее. Покажем всем гостям, на что на самом деле способны наши «Северные Зори».

Миша задумчиво потёр подбородок пальцами. Моя идея явно пришлась ему по душе.

– А что, Марин. Звучит как план. Закатим пир на весь этот лес. Наша Люська точно обрадуется, она ведь давно повод искала своё платье выгулять.

Мы просидели на этой пустой кухне ещё около часа. Увлечённо обсуждали меню, громко спорили из-за граммовок ингредиентов, много смеялись. Я быстро рисовала в рабочем блокноте схемы подачи блюд, а Миша вносил свои практич-

ные коррективы. Он безжалостно зачёркивал мои соусы и вписывал вместо них нормальное топлёное масло. Это был один из самых уютных вечеров в моей жизни. Я действительно чувствовала себя как дома. Именно здесь, среди гудящих холодильников и закопчённых кастрюль, рядом с этим невероятным мужчиной.

Я допила свой остывший чай и сладко потянулась на табуретке.

– Ладно, шеф. Пора ложиться спать. Завтра рано вставать, у нас впереди великие дела и много готовки.

Я неспеша встала из-за стола, подошла к Мише вплотную и легко поцеловала его в колючую щеку. Он ловко перехватил мою руку и тепло прижался губами к запястью.

– Иди отдыхай, Вишенка. Я сейчас тут приберу посуду немного и тоже приду спать.

Я согласно кивнула головой, забрала свой исписанный блокнот со стола и направилась к выходу в коридор. Моё настроение было великолепным. Я уже мысленно составляла список нужных продуктов для нашего банкета.

Я уверенно открыла дверь и сделала шаг в прохладный полумрак коридора. Завтра будет новый день, который обещал тихий и спокойный рабочий процесс, без рейдеров и похитителей.

Глава 3

Я стояла у стола из нержавеющей стали и методично нарезала шампиньоны. После вчерашнего леса, сугробов, бандитов и сломанных снегоходов эта рутина казалась мне самым прекрасным занятием на свете.

Мы готовили банкет. Наш директор Пал Палыч бегал по коридорам с самого утра и создавал атмосферу ну осень «серьезного» мероприятия, сколько было выпито валерианки мы уже не считали. Мы ждали акционеров, чиновников и гостей из столицы региона. Я вернулась в свою стихию. И это была самая лучшая терапия.

– Вася! – крикнула я, не отрываясь от грибов. – Это что такое?

Су-шеф Вася вздрогнул и выронил морковку прямо на пол. Он боязливо подошёл ко мне, вытирая руки о фартук.

– А что не так, Марина Владимировна? – промямлил он, косясь на мою доску.

Я взяла с его стола кусок моркови и подняла на уровень глаз, чтобы он видел этот позор.

– Вася, это не соломка, это брёвна. Ты собираешься ими печку топить? Или хочешь, чтобы акционеры подавились на смерть за ужином? Смерть гостей на банкете, Вася, это очень плохие отзывы на сайтах. Нам проблемы с репутацией не нужны. Быстро переделывай. И чтобы соломка была толщи-

ной со спичку, а не с мою ногу.

Вася обречённо вздохнул, забрал морковку и поплёлся к раковине. Тётя Валя у плиты тихонько хихикнула, помешивая половником бульон. Я довольно улыбнулась про себя. Команда работала как часы. Ну, почти как часы. Скорее как старые ходики, которые нужно иногда бить по корпусу для профилактики.

Я перевела взгляд за красную линию на полу. Там, в тёплой зоне, кипела своя, совершенно другая жизнь. Мой Таёжный медведь возился с тестомесом. Миша был в обычной футболке, заставить носить форму я его так и не смогла, и теперь пришлось смотреть, как его руки были по локоть испачкались в муке и мазуте. Он хмурился, крутил гайку гаечным ключом и ругался сквозь зубы. Я засмотрелась на то, как он в очередной раз что-то чинит и понимала, Господи, как же я влипла в этого человека. Снежная королева молекулярной кухни окончательно растаяла от вида мужика с гаечным ключом.

Тестомес вдруг утробно заурчал и начал вращать лопастями. Миша победно улыбнулся, бросил ключ на стол и вытер руки куском ветоши. Он поднял голову, поймал мой взгляд и хитро подмигнул. Я тут же отвернулась к столу, делая вид, что меня интересует кусок форели.

Я взяла свой японский шеф-нож. Сталь приятно легла в ладонь, и начала филировать рыбу, снимая стружку мяса с костей. Мои движения были точными, выверенными годами

практики в ресторанах. Я полностью погрузилась в процесс, отсекая шум и суету санатория.

Вдруг за спиной раздалися шаги. Я даже не успела обернуться, как большие руки по-хозяйски и очень уверенно легли мне на талию. Миша прижался ко мне всем телом, наклонился и нежно уткнулся носом мне в шею. Его щетина мягко прошлась по коже, а по спине мгновенно побежали мурашки.

– Работаешь, Вишенка? – хрипло прошептал он мне на ухо, отчего у меня слегка подогнулись колени.

Я судорожно сглотнула, стараясь не выпустить нож из рук.

– Лебедев, ты мне мешаешь. – попыталась я сказать строгим голосом, но вышло слишком жалко и неубедительно. – У меня тут рыба. А у тебя там тестомес без присмотра. И вообще, мы находимся на рабочем месте, на нас люди смотрят.

Миша тихо рассмеялся. Он ничуть не смутился моих слов, а наоборот, прижал меня к себе ещё крепче. Его ладони скользнули по моему животу, вызывая дрожь.

– Тестомес работает отлично, Вася морковку строгает, Валя суп варит. – спокойно перечислил он процессы, продолжая целовать меня чуть ниже уха. – А я пришёл за своей законной наградой. Я же вчера обещал, что никто тебя больше не украдёт. Я сдержал слово, я молодец. Заслужил премию от шеф-повара.

Я почувствовала, как краска заливает мои щёки. Я так долго строила вокруг себя стену из строгих правил и рецептов.

тур. А этот медведь просто пришёл и разломал её голыми руками, не оставив камня на камне.

Я чуть повернула голову и скосила глаза на лезвие ножа в моей руке.

– Миша, я тебя предупреждаю. – процедила я с наигранной угрозой. – Одно твоё неверное движение, и ты навсегда лишишься важных деталей своего организма. Деталей, которые критически необходимы для нашего с тобой будущего. Нож очень острый, недавно точила. Он кости рубит как бумагу.

Миша снова засмеялся. Его совершенно не пугали мои угрозы. Он прекрасно знал, что я нагло блефую, и что я таю в его руках, как сливочное масло на раскалённой сковородке.

– Какая ты у меня всё-таки кровожадная. – проворковал он, легонько кусая меня за мочку уха. – Настоящий маньяк с пинцетом. Слушай, а давай прямо сейчас сбежим отсюда?

– Куда сбежим? – не поняла я, забавно замерев с занесённым над рыбой ножом.

– В кладовку. – заговорщицки шепнул он мне в волосы. – Там сейчас темно, а самое главное, там точно нет Васи с его брёвнами. Минут на двадцать закроемся, а? Никто из персонала даже не заметит нашего отсутствия.

Моё сердце застучало о рёбра как сумасшедшее. Это предложение звучало до одури заманчиво. Укрыться в полумраке кладовки, жадно целоваться среди банок с компотом, вдыхать его запах. Я прикрыла глаза на секунду, позволяя

себе слабость откинуть голову ему на плечо. Его губы тут же нашли мою шею. Это было так просто и хорошо, что хотелось остановить время.

Но долг шеф-повара всё же взял верх над «уговорами». Я с усилием воли выскользнула из его объятий и резко развернулась к нему лицом. Миша стоял прямо передо мной, лохматый, с хитрой улыбкой на губах и смешным пятном муки на носу.

– Размечтался, Лебедев. – сказала я, изо всех сил пытаюсь скрыть счастливую улыбку. – У нас банкет на носу. Сам губернатор приедет ужинать. Если ему не понравится, он нас обоих в этой самой кладовке закроет, навечно. Без права переписки.

Я потянулась рукой и стёрла пальцем муку с его носа.

– Так что бери ведро, нож и иди чистить картошку. Много картошки. И чтобы все глазки вырезал, я лично проверю каждую штуку. А поцелуи с привкусом чеснока оставим на вечер.

Миша театрально вздохнул, закатив глаза к потолку.

– Жестокая ты женщина, Марина. Никакой романтики на этом производстве. Сплошная эксплуатация мужского труда. Ладно, пойду спасать твой гарнир. Но вечером ты от меня так просто не отделаешься, Вишенка. Учти это.

Он наклонился и быстро поцеловал меня в губы, оставив на них солоноватый привкус. Я стояла и смотрела, как он уверенно идёт к своему рабочему месту в тёплой зоне, и на

моём лице сияла широкая улыбка, чувствуя себя по-настоящему счастливой. Здесь, в этой карельской глуши я наконец-то нашла то, что безуспешно искала всю свою жизнь.

Я снова повернулась к своей форели. Работа сразу пошла в два раза быстрее. Я ловко отделяла филе, тихо напевая себе под нос какую-то весёлую мелодию. Вася наконец-то нарезал нормальную соломку из моркови. Тётя Валя достала из духовки румяные пирожки с капустой. Кухня жила своей привычной, светливой и понятной мне жизнью. Я готовила соусы из сметаны, взбивая её венчиком в пену. Все процессы шли строго по моему плану, выверенный тайминг соблюдался безупречно.

Моя идиллия закончилась внезапно.

Двери кухни с оглушительным грохотом распахнулись настежь. Створки ударились о стены с такой силой, что с полки упала и разбилась пустая тарелка. Звон осколков повис в воздухе. Я сильно вздрогнула и выронила венчик прямо в миску со сметаной. Миша мгновенно обернулся, его рука инстинктивно потянулась к большому половнику, готовясь использовать его как метательное оружие.

На пороге стоял Пал Палыч. Он выглядел так, словно только что увидел привидение в коридоре. Его лицо приобрело цвет несвежего кефира. Фирменный галстук съехал набок, а на лысине выступили капли холодного пота. Он тяжело и часто дышал, судорожно хватаясь рукой за дверной косяк, чтобы не упасть.

– Павел Павлович, что опятьстряслось? Спросила я, поспешно вытирая руки полотенцем и делая неуверенный шаг к нему. – Губернатор приехал раньше времени? Мы же ещё горячее не ставили в духовку!

Пал Палыч отчаянно замотал головой, что его очки едва не слетели с носа на пол. Он широко открывал рот, словно выброшенная на берег рыба, но не мог издать ни единого членораздельного звука.

Миша бросил картошку обратно в ведро и быстрым шагом подошёл к директору. Он крепко взял его за плечо и слегка встряхнул, приводя в чувства.

– Палыч, не молчи. Что случилось? Кто там приехал на нашу голову?

Директор судорожно сглотнул вставший в горле ком, обвёл безумным взглядом нашу кухню и дрожащим от паники голосом произнёс:

– Там, у ворот, джипы, Миша. Много джипов. И автобус с охраной.

Пал Палыч мёртвой хваткой вцепился в Мишину майку, его глаза были полны неподдельного ужаса.

– Это Владимир Борисович, Марина! Он приехал не один. С ним толпа юристов и вышибал разных мастей! Они приехали опять нас закрывать?

– С Владимиром мы разобрались раз и навсегда, – сказал Миша, глядя куда-то в даль. – Может он Лену ищет?

Я почувствовала, как пол стремительно уходит из-под ног.

Мой банкет, тайминг, спокойная жизнь с любимым женщиной, всё это снова рушилось на глазах. Я в панике посмотрела на своего Таёжного медведя. Его лицо вмиг окаменело, а челюсти сжались так сильно, что желваки заиграли на скулах. Он медленно отпустил директора и посмотрел на свои руки, перепачканные мукой.

– Вася. – тихо, но очень страшно произнёс Миша, не отрывая взгляда от своих рук. – Выключай плиту. Банкет временно откладывается. Сейчас разберёмся.

В коридоре санатория послышались шаги множества ног и властный мужской голос, который я легко узнала бы из тысячи.

– Ну, где тут ваша хваленая звезда Мишлен от меня прячется? Раздался громкий, откровенно издевательский смех Владимира Борисовича, гуляющий эхом по коридору. – Выходи, Вишневская! Встречай гостей, принимай хозяев!

Я напряглась, готовая разразится самой отборной бранью, которую только смогу откапать в глубинах своей уставшей души.

* * *

Голос Владимира Борисовича гулким эхом разлетелся по коридору. Я застыла на месте. Этот человек однажды уже испортил мне карьеру в Москве, щедро залив моё авторское блюдо майонезом. А теперь он снова приехал сюда. Миша

отреагировал мгновенно. Он молча вытер руки о полотенце, бросил его на стол, подошёл к дверям и уверенно вышел в коридор. Дверь за ним плотно закрылась.

Я перестала дышать. Моя фантазия тут же нарисовала картину драки, крови и приезда полиции. Я уже мысленно собирала своему медведю передачи в тюрьму, а ещё мне очень хотелось взять нож и пойти ему на помощь.

Я на цыпочках подошла поближе и приложила ухо к двери.

– Ну здорово, провинция! – вещал Владимир. – Можете собирать манатки. Я тут выкупил ваши долги, так что теперь я ваш хозяин. Буду сносить эту богадельню! – Продолжил с надменным смехом Владимир.

Голос Миши прозвучал низко.

– Какие долги? Мамаев, ты головой ударился или отморозил последние остатки извилин? – не унимался Миша. – Ты сейчас выйдешь отсюда сам, или мне тебе помочь? И поверь, лететь до трассы ты будешь долго.

За дверью повисла пауза. Я сжала ручку ножа так, что побелели костяшки пальцев.

– Эй, полегче, мужик! – голос москвича резко дал петуха. – Руки убери! Я же просто пошутил. У вас тут на севере совсем с юмором туго? Я вообще к Пал Палычу приехал по личным делам.

– Какие у тебя могут быть дела с нашим директором? – процедил Миша.

– Обычные дела, бизнес, – забормотал Владимир, явно пятясь назад. – Если честно, я вообще Лену ищу. Сказали, она где-то здесь крутится. У нас с ней старые, незавершённые дела. Так что расслабься, повар. Не нужен мне ваш клоповник.

Послышались торопливые шаги, а затем в коридоре зазвучал голосок Пал Палыча, уводящего гостя в сторону своего кабинета.

Дверь открылась. Мой мужчина вернулся на кухню. Он был абсолютно невозмутим, только желваки ходили на скулах.

– Ну что там? – спросила я, чувствуя, как дрожат колени от напряжения.

– Всё нормально, Вишенка, – он подошёл к раковине и пустил воду, смывая остатки муки с ладоней. – Наш гость просто ошибся дверью.

– Он сказал, что приехал к директору по личным делам, – я подошла вплотную, заглядывая в его глаза. – И ещё он ищет Лену. Я откровенно не понимаю, какие могут быть общие дела у Пал Палыча с этим бизнесменом.

Миша тяжело вздохнул и стряхнул капли воды с рук.

– Пусть сами разбираются, – спокойно ответил он. – У нас сейчас есть проблемы поважнее. Губернатор со своей свитой уже в зале. Мы накормим их всех так, что они забудут свои имена. Докажем на деле, что это место приносит прибыль.

Его слова подействовали на меня как разряд тока. Страх мгновенно испарился, а на его место пришёл азарт.

– Так, команда! – крикнула я на всю кухню, хлопнув в ладоши. – Слушай мои указания. Работаем на оборотах. Вася, следи за температурой в духовке. Тётя Валя, бульон на плиту. Сегодня мы солдаты фронта!

Кухня загудела. Мой перфекционизм столкнулся с карельской реальностью, но сегодня эта реальность работала на меня. Мы функционировали как единый механизм. Я подошла к столу, где лежал кусок запечённой оленины. Мясо было красивым, без жилок. Я взяла пинцет и начала аккуратно выкладывать рядом с порционными кусками веточки зелени и капли брусничного соуса. Это была моя территория, где правит балом стерильность, граммовки и эстетика.

Но краем глаза я постоянно наблюдала за Мишей. Он развёл огонь в печи. Пламя гудело, отбрасывая блики на стены. На сковороде шкварчало растопленное масло. Он закидывал туда картофель, щедро посыпая его солью и розмарином. Никаких пинцетов, никаких весов. Только интуиция, сила и понимание продукта. Мы были как лёд и пламя, и этот контраст рождал на тарелках магию.

Я подошла к плите и схватилась за ручки котла. Внутри плескалось литров двадцать воды для варки овощей. Я напрягла спину, попыталась сдвинуть его с места и тихо застонала от тяжести. Мои запястья явно не были рассчитаны на такие подвиги.

– Куда лезешь? – горячие руки легли поверх моих ладоней. Миша аккуратно, но твёрдо отодвинул меня в сторону. –

Ты себе спину сорвёшь. Оставь артиллерию мне, у тебя совершенно другая функция на этой кухне.

Он легко подхватил котёл и переставил его на конфорку, словно это была пустая кружка. Его фартук был заляпан мукой и пятнами. Он выглядел грубо, но при этом надёжно. Мы были командой. Я отвечала за эстетику и вкусы, а он обеспечивал базу и брал на себя грубую работу.

– Спасибо, – буркнула я, утыкаясь носом в планшет со списком блюд.

– Обращайся, – подмигнул он и ушёл рубить мясо. Звук ударов ритмично разносился по помещению, задавая рабочий темп.

Мне понадобилось взять тимьян из холодильника в коридоре. Я приоткрыла дверь и замерла. Возле подсобки стояла официантка Люся и шепталась с поваром Васей.

– Я тебе говорю, Васька, ставь косарь на свадьбу до лета! – азартно шипела Люся. – Ты полюбуйся, как он на неё смотрит. Тётя Валя уже пятьсот рублей занесла. А Пал Палыч вообще думает, что они тайно расписались. Давай, ставки скоро закрою!

– Да ну тебя, – отмахивался Вася, озираясь по сторонам. – До лета ещё много времени. А вдруг они сковородками друг друга прибьют?

Я неслышно прикрыла дверь, прислонилась спиной к стене и улыбнулась. Ставки они делают. Наивные. Я бы сама поставила свои сбережения на то, что этот медведь никуда

меня не отпустит.

Работа кипела без остановок. Я перебегала от одного стола к другому, проверяла соусы, ругалась на пугливого Васю за криво нарезанный лук. Но мой взгляд постоянно возвращался к Мише.

Я смотрела на него сквозь клубы пара и не могла до конца поверить в происходящее. В моей прошлой жизни мужчины были совершенно другими. Они носили костюмы, говорили о котировках акций и панически боялись испачкать руки. Мой бывший муж Валера вообще падал в обморок от вида рыбы.

А этот человек был другим. Он руководил станцией во льдах Антарктиды. Он владелец трети этого здания. У него на счетах наверняка лежат приличные суммы, о которых он не говорит. Но он стоит прямо здесь, в простой футболке, в грязном фартуке и с перепачканным лицом. Он лепит пельмени для нашего банкета и выглядит абсолютно счастливым. В нём не было ни капли снобизма. Грубоватый мужик, рядом с которым я чувствовала себя в безопасности.

Я поймала себя на мысли. Мне до безумия нравится этот человек. Я влюбилась в него. Окончательно и без всяких условий.

До первой выдачи блюд оставалось ровно три минуты. Тайминг горел красным светом. Губернатор и гости уже сидели за столами в ожидании чуда. А я тут сопли с сахаром распустила. Соберись, Вишневская!

– Всё готово? – крикнула я, вытирая лоб рукавом кителя.

– Горячее уже ждёт выдачу, – отозвался Миша, уверенно подходя к моей зоне.

Он вытирал руки полотенцем. На его лице блестели капли пота. Он тяжело дышал от нагрузки, но его глаза ярко светились азартом. Мы сделали это вместе. Мы создали гибридное меню, смешали мою молекулярную кухню и его простые, но душевные рецепты. Запах стоял невероятный. Дым, мясо, нотки масла и цитруса сплелись в один аромат.

Я посмотрела на свои часы. Стрелка неумолимо приближалась к назначенному времени. Пора было давать команду на вынос закусок.

Но в эту секунду я вдруг напрочь забыла про свой рабочий тайминг. Я забыла про суету, про губернатора, про Владимира и Лену. Весь мир сузился до размеров одного человека напротив меня.

Я сделала короткий шаг к Мише. Он удивлённо поднял брови, глядя на меня сверху вниз. Я протянула руки и взялась за воротник его кителя. Да, я всё-таки выпроводила этого грубияна переодеваться. Я медленно и бережно поправила ткань. Миша на миг удивился, а потом улыбнулся.

– Ты чего, Марин? – тихо спросил он, послушно замерев на месте.

– Ничего особенного, – я подняла руку и аккуратно убрала прядь волос с его мокрого лба.

Мои пальцы коснулись его кожи. Внизу живота сладко по-

тянуло.

– Просто хочу, чтобы мой су-шеф и инвестор выглядел прилично перед гостями, – прошептала я.

Миша тихо засмеялся и ловко перехватил мою ладонь своими пальцами, поднёс её к губам и нежно поцеловал запястье. От этого движения у меня по спине пробежали мурашки.

– Мы их сделаем, Вишенка, – хрипло прошептал он, глядя мне прямо в глаза.

Я полностью отдалась этому моменту, наслаждаясь его близостью, его теплом и ощущением того, что я за каменной стеной.

– Я даже не сомневаюсь в этом, Лебедев, – я сделала глубокий вдох, с неохотой отстранилась от него и решительно повернулась к дверям.

Мой голос зазвучал громко и властно.

– Пошла подача! Несите закуски в зал!

Глава 4

На кухне творился управляемый хаос. Я стояла на раздаче, словно дирижёр перед оркестром. Официантка Люся и две девочки носились туда-сюда с подносами. Двери в банкетный зал то и дело распахивались, впуская гул голосов, звон бокалов и смех гостей.

– Столик номер один, забираем! Скомандовала я, вытирая край тарелки полотенцем. – Вася, где соус? Ты его там рожаешь, что ли? У нас тайминг горит, шевели ногами!

Су-шеф Вася буквально подлетел ко мне с соусником в руках. Его глаза были круглыми от страха, а поварской колпак смешно съехал набекрень. Я быстро полила куски мяса брусничным соусом, стараясь не капнуть мимо, и кивнула Люсе. Та мгновенно подхватила тарелки и упорхнула в зал, стуча каблуками.

Мы выдавали гибридное меню. Это был рискованный эксперимент, но он сработал. Гости с аппетитом ели карельскую уху с дымком, а потом закусывали её моими молекулярными сферами из щучьей икры. Оленину мы подавали с соусом из лесных ягод. Этот контраст текстур и вкусов рвал все шаблоны.

Я осторожно выглянула в щель приоткрытой двери. В зале царил оживление. Губернатор сидел во главе стола, уплетал наше мясо за обе щеки и довольно кивал. Возле него посто-

янно суетился наш директор Пал Палыч. Он низко кланялся, угодливо подливал гостям вино в бокалы и то и дело вытирал лысину платком.

– Выдыхай, Вишенка. Внезапно раздался над моим ухом голос.

Я обернулась. Миша стоял рядом. Он успел умыться, снял заляпанный мукой фартук и переоделся в чистую рубашку.

– Я не выдохну, пока они не дойдут до десерта. – ответила я, чувствуя, как напряжение медленно отпускает мышцы спины. – И вообще, иди в зал. Ты же у нас инвестор, владелец акций. Тебе по статусу положено там сидеть за столом, а не на кухне по углам прятаться.

Миша тихо усмехнулся, привычным жестом потирая подбородок с щетиной.

– Там слишком много пафоса, Вишенка. Я лучше здесь с тобой постою, на тебя посмотрю. Ты когда всеми командуешь и ругаешься, становишься очень привлекательной. Прямо генерал с половником.

Я пихнула его локтем в бок. Он наигранно охнул, схватившись за рёбра, но хитро улыбаться не перестал.

– Иди к друзьям. – сказала я более мягко, указывая подбородком на зал. – Там твой Саня Волков скучает. Вон он, у окна стоит с какими-то мужиками в костюмах. Иди, развлекай гостей, ты же хозяин.

Миша посмотрел туда, куда я указала. Его расслабленная улыбка на мгновение померкла. Я заметила, как он прищу-

рил глаза.

– Ладно, пойду поздороваюсь с ребятами. – бросил он мне и вышел в зал.

Я осталась стоять у дверей, контролируя работу Васи за сковородками, но глазами следила за Мишей. Он подошёл к майору ФСБ Волкову. Саня был одет в гражданское, но его выправку никуда не спрячешь. Рядом с ним стояли двое незнакомых мужчин. Лица у них были словно из камня. Столичные гости, это видно сразу по осанке. Никакой радости на их лицах не наблюдалось.

Миша по-дружески хлопнул Саню по плечу. Они крепко обменялись рукопожатиями. Я издалека видела, что майор Волков ведёт себя неестественно. Он был напряжён, постоянно оглядывался по сторонам и мял в руках салфетку.

Я приоткрыла дверь чуть шире, пытаюсь уловить обрывки их разговора сквозь гул банкета.

– Саня, у тебя лицо сейчас такое, будто ты корень хрена целиком съел. Услышала я голос Миши. – Что стряслось? Наша еда не нравится? Могу лично попросить Марину приготовить тебе макароны по-флотски, как ты любишь.

Волков криво усмехнулся и махнул рукой.

– Да брось, Миш. Еда отличная. Вы молодцы. Просто начальство из столицы приехало, сам понимаешь. Саня кивнул в сторону одного из хмурых мужчин. – Проверяют нас. Приехали «кроликов из шляпы вынимать», а то мы тут в провинции совсем не знаем, как надо работать. Учат жизни и уставу.

Миша коротко хмыкнул, но его взгляд стал холодным. Он явно не поверил другу. Я слишком хорошо успела изучить повадки своего медведя, чтобы сходу понять это. Он нутром чувствовал фальшь в словах Сани.

Вдруг Миша перевёл взгляд в другой конец зала. Я проследила за его глазами. У колонны стоял второй гость из столовой, тот самый коллега Саши по фамилии Гаврилов. Он плотно зажал в углу нашего директора.

Пал Палыч выглядел сейчас жалко. Он втянул шею в плечи, часто моргал глазами за стеклами очков и нервно тербил пуговицу на пиджаке. Гаврилов угрожающе нависал над ним, говорил тихо, но жёстко. Директор только обречённо кивал ему в ответ.

Я увидела, как у Миши сжались кулаки. Он сделал быстрый шаг в их сторону, но потом резко остановился. Он повернул голову и посмотрел на меня. Я стояла в проёме дверей кухни, уставшая, в перепачканном кителе, но счастливая от того, что мой банкет шёл идеально. Миша встретился со мной взглядом. В его глазах буквально на секунду мелькнула тревога, какая-то подавленная паранойя, но он тут же её спрятал за маской спокойствия.

Он выдохнул, разжал кулаки и покачал головой. Я всё поняла без слов. Он решил не портить мне праздник. Он не хотел втягивать меня в свои проблемы прямо сейчас. Мой медведь снова брал удар на себя.

Банкет тем временем набирал обороты. Наши тарелки

возвращались на кухню пустыми, без единой крошки. Это высшая награда для повара. Тётя Валя радостно крестилась в углу у раковины, Вася увлеченно вытирал пот со лба полотенцем, а Люся уже мысленно подсчитывала свои чаевые. Моя гибридная кухня произвела фурор среди публики. Москвичи, чиновники, местные бизнесмены, все они были в восторге от еды.

Губернатор поднялся со своего места и постучал вилкой по бокалу. Зал стих.

– Дорогие друзья и коллеги! – начал он басистым голосом. – Я по долгу службы много где бывал. Я ужинал в лучших ресторанах Европы. Но то, что мы все с вами ели сегодня, это настоящее чудо. Это вкус нашей земли, поданный на высочайшем уровне. Я хочу сказать спасибо поварам этого санатория. Вы на деле доказали, что у нас есть потенциал для развития!

Зал взорвался аплодисментами. Я почувствовала, как к горлу подступает ком гордости. Мы сделали это. Мы вытянули этот вечер.

Пал Палыч тоже суетливо вскочил со стула. Он был красный как рак, его руки заметно дрожали от эмоций. Он схватил микрофон со стойки и начал говорить, заикаясь от волнения.

– Да, да! Спасибо вам, господин губернатор за добрые слова! – затараторил наш директор. – Но я лично хочу сказать отдельное спасибо одному человеку. Если бы не он, мы бы

тут все уже давно кору с деревьев жевали! Мы бы закрылись с позором! Михаил Александрович! Миша, встань, пожалуйста!

Все гости разом обернулись к Мише. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и выглядел так, будто мечтал провалиться сквозь пол. Он терпеть не мог публичность.

– Этот человек молча тянет на себе всё наше хозяйство! Продолжал вещать Пал Палыч, размахивая рукой в воздухе. – Финансирование, крыша, отопление, поставки продуктов, всё держится исключительно на нём! Он спас наш санаторий от краха! За тебя, Миша!

Гости снова захлопали и загудели. Миша сдержанно кивнул им всем, коротко улыбнулся и сразу пошёл напрямик в мою сторону. По пути он схватил с подноса официантки два бокала с шампанским и подошёл ко мне.

Я смело вышла из кухни в зал, снимая на ходу поварской колпак. Волосы свободно рассыпались по плечам. Я чувствовала себя выжатой как лимон, у меня гудели ноги, но я была счастлива.

Миша протянул мне бокал. Его глаза смотрели на меня с нежностью.

– Ну что, Марина Владимировна. – тихо сказал он, чтобы в этом шуме слышала его только я. – Ты сегодня просто Богиня. Моя личная мишленовская звезда. Ты уделала их всех одной левой.

Я с благодарностью взяла бокал в руку. Пузырьки приятно

щекотали нос.

– Мы уделали их всех, Лебедев. – поправила я его с улыбкой. – Без твоей печки и твоих рук, которые я иногда стряхивала с своей талии, у меня бы ничего не вышло. Мы с тобой отличная команда.

– Самая лучшая. – согласился он, глядя мне прямо в глаза. Мы чокнулись. Звон потонул в шуме банкета. Я сделала глоток, наслаждаясь моментом триумфа.

Я смотрела на Мишу и видела, как тепло он улыбается мне. Но краем глаза я уловила какое-то движение. Я перевела взгляд за его спину.

В другом конце зала стоял тот самый Гаврилов. Гость из столицы. Он не пил шампанское, не хлопал в ладоши и не улыбался. Он стоял неподвижно и смотрел прямо на Мишу. Его взгляд был холодным, оценивающим и пугающе цепким. Так смотрит охотник на зверя, который ещё не знает, что уже попал в капкан.

Миша тоже поймал на себе этот взгляд. Я почувствовала, как напряглась его спина под тканью рубашки. Его улыбка осталась на губах, но глаза вмиг стали колючими и ледяными, словно антарктический ветер.

Он чуть придвинулся ко мне, словно закрывая собой от этого взгляда.

– Всё хорошо? – осторожно спросила я, крепче сжимая ножку бокала.

– Всё отлично, Вишенка. – ответил он ровным голосом,

не сводя глаз с москвича. – Просто идеальный вечер. Пей шампанское, ты его заслужила.

Я сделала ещё один глоток, но вкус вина вдруг показался мне горьким. Наш праздник продолжался, играла музыка, сытые гости смеялись. Но где-то глубоко внутри меня поселился липкий холодок предчувствия. Наша жизнь в карельской глуши, похоже, снова давала трещину. И в этот раз заделать её будет сложнее.

* * *

Банкет плавно подошёл к своему логическому завершению. Сытые гости разбрелись по номерам, а мы с командой остались разгребать последствия нашего кулинарного триумфа. Я стояла у раковины, смывала остатки ягодного соуса с тарелок и чувствовала, как гудят мои ноги, которые просто отваливались. Но на душе было на удивление легко.

Миша помогал мне. Он молча собирал грязные кастрюли, ловко орудовал губкой и периодически бросал на меня тёплые взгляды. Мы работали в унисон, без лишних слов. Это было так по-семейному, уютно, словно мы делали это каждый вечер на протяжении десяти лет. Су-шеф Вася уснул прямо на стуле в углу, обняв пустое алюминиевое ведро. Видимо тип материала ведра был выбран не случайно, когда оно вывалится у него из рук, какой грохот будет. Отличная сигнализация для тех, кто уснул на работе.

Тётя Валя тихо бормотала слова благодарности домовому. Кухня выжила, банкет удался.

Идиллию нарушил наш директор. Пал Палыч влетел на кухню, как ошпаренный кот. Его лысина блестела от пота, галстук окончательно сбился набок, а глаза бегали из угла в угол. Он тяжело дышал, хватая ртом воздух.

– Миша. – пропищал директор, хватая моего медведя за локоть. – Тебя там это. Вызывают. Очень просят зайти в мой кабинет. Прямо сейчас.

Миша медленно положил губку на край раковины. Он вытер руки о полотенце, и его лицо мгновенно потеряло всё своё тепло. Желваки снова заиграли на скулах.

– Кто вызывает, Палыч? – спросил он низким голосом, от которого у меня мурашки побежали по спине.

– Этот, из Москвы. – заикаясь, ответил директор. – Гаврилов Андрей Сергеевич. Он у меня там сидит. Ждёт тебя. Мишенька, умоляю, иди к нему. Он страшный человек, у него глаза как у росомахи.

Миша кивнул, повернулся ко мне и попытался улыбнуться. Вышло у него это откровенно плохо.

– Вишенка, ты иди отдыхай. – сказал Миша, коснувшись моего плеча. – Я быстро разберусь с нашим гостем и приду. Ничего серьёзного, просто рабочие моменты.

Он развернулся и вышел из кухни, чеканя шаг. Пал Палыч засеменял следом за ним.

Я осталась стоять посреди кухни с грязной тарелкой в ру-

ках. Внутри меня всё сжалось в тугую узел. Я вспомнила холодный, цепкий взгляд этого Гаврилова на банкете. Моя интуиция просто орала, что дело пахнет керосином. Рабочие моменты, как же. Мой мужчина явно пошёл на амбразуру, а меня решил оставить в тылу.

Ну уж нет. Я не привыкла отсиживаться в окопах.

Я быстро бросила тарелку в раковину, сняла грязный фартук и решительно подошла к столу. На подносе стоял заварочный чайник с карельскими травами и три чистые чашки. Отличный повод для визита. Сервис высшего уровня, забота о гостях. Если что, скажу, что принесла чай для переговоров.

Я подхватила поднос и тихо пошла по коридору вслед за мужчинами. Я шла и чувствовала себя шпионом. В моей прошлой жизни конфликты решались криками на кухне, швырянием тарелок и скандальными увольнениями. Здесь же всё было иначе. Тайные инвесторы, передел собственности, коррупция и майоры ФСБ на банкетах. Карельская глушь оказалась местом куда более опасным, чем Патриаршие пруды. Но я не собиралась отступать. Это был мой новый дом, моя кухня и мой мужчина. Есть за что побороться.

Я подошла к кабинету директора. Массивная дубовая дверь была приоткрыта. Из щели падал узкий луч света на выцветший ковёр в коридоре.

Я остановилась, затаила дыхание и прислушалась.

– Присаживайтесь, Михаил Александрович. – раздался из кабинета мягкий, интеллигентный голос Гаврилова. – В но-

гах правды нет. Тем более в таких уставших.

Я осторожно заглянула в щель. Гаврилов по-хозяйски сидел в кресле Пал Палыча, закинув ногу на ногу. Он выглядел идеально, ни одной складки на дорогом костюме. Наш директор жался к стене в углу комнаты, сливаясь с обоями в цветочек. Он обхватил себя руками и напоминал напуганного школьника в кабинете завуча.

Миша не сел. Он стоял посреди кабинета, широко расставив ноги и засунув руки в карманы брюк. Он возвышался над москвичом как скала.

– Я постою. – сухо ответил Миша. – Говори, зачем звал. У меня дел много. Трубы сами себя не починят.

Гаврилов тихо рассмеялся. Звук был сухим, без капли веселья.

– Трубы, значит. – протянул он, барабанив пальцами по столу. – Это похвально, Михаил. Забота о хозяйстве, труд на благо общества. Только мы же с вами взрослые люди. Давайте без этого цирка для бедных.

Миша молчал, сверля гостя тяжёлым взглядом.

– Я ведь навёл справки о вас, Михаил Александрович. – продолжил Гаврилов, не меняя мягкого тона. – Бывший начальник полярной станции. Уважаемый учёный. А теперь простой завхоз в забытом богом санатории. Карьера дала трещину, я понимаю. Трагедия, льды, обморожение. И жена ушла. Лена, кажется, её зовут?

Услышав имя бывшей жены Миши, я чуть не выронила

поднос. Мои руки дрогнули, чашки тихо звякнули, но мужчины в кабинете этого не заметили.

Миша сделал неуправляемое движение вперёд. Его плечи напряглись.

– Не трогай Лену. – процедил он сквозь зубы. – Ближе к делу.

– А я её и не трогаю. – Гаврилов развёл руками, изображая невинность. – Мы с Еленой Викторовной, можно сказать, партнёры. Она очень хваткая женщина. Она скупилась ваши долги, Михаил. Она планирует здесь всё снести и построить элитный клуб для своих.

Директор в углу тихо пискнул и сполз по стене вниз, обхватив голову руками.

– Пусть планирует, только уже в СИЗО. – спокойно ответил Миша. – Санаторий не продаётся. Мы сами раздадим долги. Сегодняшний банкет это доказал. У нас есть прибыль.

Гаврилов вздохнул, словно общался с неразумным ребёнком. Он достал из кармана платок и аккуратно промокнул лоб.

– Прибыль. – усмехнулся он. – Копейки с ваших котлет и супов? Это смешно, Михаил. Я предлагаю вам сделку. Вы не мешаете нам. Мы оставляем это здание в покое, и вы получите процент.

– За что я получу процент? – прищурился Миша.

Гаврилов подался вперёд, опершись локтями о стол Пал Палыча. Его глаза блеснули в свете настольной лампы.

– За тишину, Михаил. – произнёс Гаврилов, глядя прямо на него. – Ваш санаторий это идеальное место. Глушь, лес, нет лишних глаз, нет проверок. Сюда ведут только плохие дороги. Это идеальная локация для тихих финансовых потоков. Мы будем переводить сюда средства по бумагам на развитие, на стройку, на закупку оборудования. А потом эти деньги будут уходить дальше. Лесная прачечная, Михаил. Идеальная, чистая схема. Вам даже делать ничего не нужно. Просто подписывайте документы и получайте свои дивиденды.

Я зажала рот рукой, чтобы не ахнуть вслух. Они хотят отмывать здесь деньги и превратить наш дом в место, где мы только что совершили кулинарное чудо, в криминальную прачечную. Мой мозг отказывался в это верить. Это не мелкий чиновник Ключев, который хотел взятку и банкет. Это масштабная, хладнокровная схема.

В кабинете повисла звенящая тишина. Было слышно, как на улице воет ветер, заметая снег на подоконник.

Я смотрела на спину Миши и видела, как медленно сжимаются его кулаки в карманах. Он стоял неподвижно, но воздух вокруг него казался наэлектризованным. Я знала это состояние. Мой медведь готовился к атаке.

Миша медленно вынул руки из карманов. Он сделал два шага к столу и тяжело оперся на него кулаками, нависая над Гавриловым. Москвич даже не вздрогнул, только чуть приподнял подбородок.

– Значит так, прачка. – голос Миши был тихим, ровным, но в нём звучала первобытная угроза. – Слушай меня внимательно. Я повторять не буду. Мы здесь люди простые, но чужое бельё стирать не берёмся. Были тут до вас одни умники, летели дальше чем видели.

– Михаил, вы не понимаете от чего отказываетесь. – попытался сохранить лицо Гаврилов, но его голос слегка дрогнул под давлением северянина.

– Я всё прекрасно понимаю. – перебил его Миша, чекая каждое слово. – Ваш благоразумный партнёр, Елене Викторовне, сейчас даёт показания, вы тоже хотите? По глазам вижу, что нет. Так что, если ты или твои люди сунутся сюда со своими бумагами или «ценными предложениями» ещё раз, я лично выкину вас в лес. И поверь, дорогу до трассы вы не найдёте. Разговор окончен. – добавил Миша, кивнув в сторону двери. – Выметайся из кабинета директора. И чтобы утром твоего духа здесь не было.

Пал Палыч в углу тихо трясся. Он явно прощался со своей должностью, свободой и жизнью одновременно.

Гаврилов не спешил уходить. Он медленно поднялся с кресла, поправил манжеты на рубашке и застегнул пуговицу на пиджаке. На его лице появилась улыбка. Это была улыбка акулы, которая только что почуяла кровь в воде.

Он посмотрел на Мишу с лёгким пренебрежением, как на досадную, но решаемую проблему.

– Вы зря хамите, Михаил Александрович. – мягко произ-

нёс Гаврилов, направляясь к двери. – Я ведь не Ключев. Я не кричу, не угрожаю проверками и не ломаю двери.

Он остановился прямо перед Мишей и посмотрел ему в глаза.

– Я просто забираю ключи.

Гаврилов аккуратно обошёл моего застывшего медведя и направился к выходу. Он шёл уверенно, как хозяин помещения.

Я в панике отшатнулась от двери, прижалась спиной к холодной стене коридора и крепко прижала поднос к груди. Моё сердце билось так громко, что казалось, оно разбудит весь санаторий. Я закрыла глаза, молясь, чтобы он меня не заметил.

Дверь распахнулась шире. Гаврилов вышел в коридор. Он бросил на меня короткий, равнодушный взгляд. Его глаза действительно напоминали глаза лесного зверя. Он не удивился моему присутствию с подносом в ночи, а просто прошёл мимо, стуча дорогими туфлями по скрипучим доскам. Я перевела дух и заглянула в кабинет.

Миша стоял спиной ко мне, опустив голову. Его плечи тяжело вздымались. Я тихо зашла внутрь и поставила поднос на край стола. Чашки звонко стукнулись о блюдца. Миша резко обернулся. Его глаза были тёмными от гнева, но когда он увидел меня, этот гнев мгновенно угас.

– Ты всё слышала, Вишенка? – тихо спросил он, подходя ко мне.

– Слышала. – ответила я, глядя прямо на него. – И знаешь что? Я думаю, нам понадобится много хозяйственного мыла. Потому что отстирывать этих столичных упырей придётся долго.

Миша горько усмехнулся, притянул меня к себе и крепко обнял. Я уткнулась носом в его плечо, вдыхая родной запах. Мне было страшно. Я понимала, что наша спокойная жизнь закончилась, не успев начаться. Этот Гаврилов не остановят-ся. Он умнее, влиятельнее всех, с кем мы сталкивались до этого.

– Не бойся, Марин. – прошептал Миша мне в макушку. – Я никому не дам нас в обиду. Я всё решу.

– Мы всё решим, Миша. – поправила я его, обнимая за талию. – Мы в одной лодке. И эта подводная лодка просто так не сдастся.

Глава 5

На часах со светящимся циферблатом краснели цифры. Было ровно два часа ночи. Я лежала под тяжёлым шерстяным одеялом. Вокруг стояла звенящая тишина. После визита этого упыря Гаврилова уснуть было совершенно невозможно. В голове бесконтрольно крутились мысли о лесных прачечных. Я думала про незаконное отмывание денег. Вспоминала бывшую жену Миши. Причём тут она? Неужели её курировал Гаврилов, а не Владимир Борисович? И ещё директор. Какие могут быть у этого труса с Владимиром?

Одни вопросы.

Моё поварское эго было сильно задето. Я только что выдала лучший банкет в своей жизни. Я объединила высокую молекулярную кухню с простыми таёжными рецептами. Губернатор аплодировал стоя. А теперь выясняется, что всё это великолепие снова хотят разрушить. Ради чего? Ради мутных схем столичных бандитов в правоохранительных органах.

Я перевернулась на другой бок. Рядом никого не было. Мой Таёжный медведь бесследно исчез. Кровать окончательно остыла. Я поняла, что он ушёл далеко не воды попить. Этот упрямый северянин решил снова поиграть в героя.

Я резко откинула одеяло. Холодный ночной воздух мгновенно покрыл кожу мурашками. Ледяной паркет обжёт бо-

ые ступни. Я быстро натянула свои джинсы. Накинула любимый кашемировый свитер. Сунула ноги в зимние ботинки и вышла в тёмный коридор. Там было мрачно и тихо. Только старые разохшиеся половицы предательски скрипели под ногами при каждом шаге. Я кралась в темноте словно мышь. Старалась не разбудить спящий персонал.

В Москве мои проблемы решались громким скандалом на кухне ресторана и красивым увольнением. Здесь всё пахло настоящим криминалом. Но я не привыкла отступать.

Я точно знала, где искать Мишу. Он пошёл к главному выходу.

Моя интуиция меня не подвела. Миша стоял у входной двери. Он уже успел надеть свою зимнюю куртку. Сейчас он наклонился и зашнуровывал ботинки. В его руке тускло блестели ключи от внедорожника. Он собирался тайком уехать в ночь. Решать наши проблемы без моего участия.

Я скрестила руки на груди. Плотно прислонилась плечом к дверному косяку.

– И далеко мы собрались на ночь глядя? – громко спросила я.

Миша сильно вздрогнул от неожиданности. Ключи с громким звоном упали на кафельный пол. Он резко выпрямился. Обернулся ко мне. В полумраке холла его глаза казались совсем тёмными и тревожными.

– Вишенка, ты чего не спишь? – спросил он с наигранным удивлением. – Время видела? Иди в кровать, замёрзнешь же.

У нас тут сквозняки жуткие.

– Я задала конкретный вопрос, Лебедев. – процедила я сквозь зубы. Свою позу я не поменяла. – Куда ты собрался в два часа ночи? Зачем ключи от машины взял? Поехал за свежей клюквой для моего соуса под покровом тьмы? Или решил проверить, как там белки в лесу поживают без твоего надзора?

Миша тяжело вздохнул. Он наклонился, поднял ключи и сунул их в карман куртки.

– Марин, иди спать. – сказал он очень настойчиво. – Мне нужно срочно съездить в город. Поеду к Сане Волкову. Есть серьёзный разговор не по телефону. Это суровые мужские дела. Тебе там совершенно нечего делать. Я вернусь прямо к завтраку. Обещаю.

Я почувствовала сильную злость. Внутри меня всё закипело. Мой внутренний диктатор с половником рвался наружу. Я не для того бросила успешную столичную карьеру. Я приехала сюда не щи варить и не в номере отсиживаться. Я хотела быть с ним рядом всегда.

– Мужские дела? – хмыкнула я и сделала медленный шаг к нему. – То есть грязную картошку чистить, это наши общие дела. Мыть посуду после банкета, тоже общие. А когда приехал этот интеллигентный упырь, это резко стало твоим личным делом?

– Это очень опасно, Марин. – Миша нахмурился. Его низкий голос стал намного жёстче. – Ты видела этого Гаврилова

сегодня. Он не шутит. Я не хочу втягивать тебя в это грязное болото. Моя единственная задача, тебя защитить. Я сам во всём разберусь. Если нужно, я ему ноги переломлю в трёх местах.

– Ломать ноги силовикам, это не самый лучший выход. – возразила я. – Тебя посадят в тюрьму, без лишних разбирательств. А я буду носить тебе передачи? Сухари сушить прикажешь?

– Сухари у тебя получатся исключительно мишленовские. – усмехнулся Миша. – С трюфельным маслом, розмарином и чесноком. Вся тюрьма будет завидовать моей диете. А если серьёзно, то я не дам им забрать наше место. У меня есть чёткий план. И Волков мне обязательно поможет.

Я подошла к нему вплотную и смотрела на него снизу вверх. Отступать я совершенно не собиралась.

– Послушай меня внимательно, герой. – сказала я строго. – Я тебе не слабая барышня из московского салона красоты. Меня не нужно прятать за широкую спину при первой опасности. – я ткнула указательным пальцем прямо ему в твёрдую грудь.

– Удар в спину болит сильнее, когда не знаешь, кто бьёт. – продолжила я. – Если ты будешь постоянно скрывать от меня наши проблемы, мы точно проиграем эту войну. Я хочу знать своего врага в лицо и хочу понимать все наши риски.

Миша быстро перехватил мою руку. Его шрамированные пальцы были очень горячими. Даже в этом холодном холле

я чувствовала их сильный жар.

– Вишенка, я просто сильно боюсь за тебя. – тихо признался он. – Лена сумасшедшая. Жрала всех подряд, не разбирая дороги. Владимир был просто самоуверенный богачём с кучей комплексов. Но Гаврилов, это уже другое. Он отморозок каких ещё поискать нужно. Лучше я сам подставляюсь под его зубы. У меня опыт богатый.

Я резко выдернула свою руку. Снова скрестила их на груди для убедительности. – Если ты сейчас уедешь один в город, я тебе устрою настоящую кухонную инквизицию. Ты пожалеешь, что вообще со мной связался.

– Это как? – спросил Миша. Он приподнял бровь в искреннем удивлении.

– Я пересолю тебе всю твою оставшуюся жизнь. – уверенно заявила я. – Я сварю твой паспорт в су-виде при температуре шестьдесят градусов. Я сделаю твоё существование невыносимым, если ты продолжишь делать из меня дуру.

Миша молча смотрел на меня несколько долгих секунд. В его глазах боролись два сильных желания. Одно желание запереть меня в номере ради моей же безопасности. Второе же было искренним восхищением моей наглостью.

Внезапно он засмеялся. Его густой, бархатный смех гулким эхом разнёсся по пустому холлу санатория.

– Тише ты! – шикнула я на него и тревожно заозиралась по сторонам. – Директора нашего разбудишь. Пал Палыч и так после встречи с Гавриловым корвалол литрами хлещет.

Если он тебя сейчас тут увидит, у него случится инфаркт. Мы же потом замучаемся его тело прятать.

– Не замучаемся. – хмыкнул Миша. В его голосе прозвучали нотки фирменного чёрного юмора. – Закопаем Пал Палыча за старой баней. Там земля мягкая. Сверху посадим свежую петрушку для твоих кулинарных шедевров. Никто никогда не найдёт. Зачем мой паспорт варить? Он жёсткий и не вкусный. Лучше сразу Гаврилова в пакоджете прокрутим. Остатки заморозим.

– Очень смешно. – фыркнула я. – Ты настоящий маньяк, Лебедев. Тебе лечиться надо.

– Я просто практичный хозяйственник. – поправил он меня с улыбкой и покачал головой и продолжил смотреть на меня. – Какая же ты у меня невыносимая женщина, Вишенка. Настоящая острая заноза. С тобой спорить бесполезно. Это как выходить против снежного бурана с дырявым летним зонтиком.

– Я реалистка. – буркнула я в ответ. Но я чувствовала, что моя злость быстро тает. Его тёплый взгляд делал меня слабой и покладистой.

Миша подошёл ко мне вплотную и обхватил руками. Крепко прижал к своей груди. Я уткнулась носом в его зимнюю куртку и прикрыла глаза от удовольствия.

– Ладно, твоя взяла. – прошептал он мне прямо в макушку. – Сдаюсь без боя. Не нужна мне соленая жизнь. Уговорила, мой личный повар-террорист.

Он нежно поцеловал меня в макушку. Я наслаждалась его теплом.

– Но у нас будет строгий уговор. – добавил Миша. Он отстранился на полшага. Заглянул мне прямо в глаза своим серьёзным взглядом. – Ты будешь делать в точности то, что я тебе скажу. Если я скажу бежать, ты быстро бежишь. Без твоих споров и долгих дискуссий. Договорились?

Я послушно кивнула головой.

– Договорились, Лебедев. – ответила я тихо.

– Вот и отлично. – Миша довольно усмехнулся. – А теперь быстро иди одевайся теплее. Накинь куртку потолще. Шапку свою дурацкую не забудь. В моей машине печка барахлит. А на улице сейчас минус двадцать градусов. Заморозишь себе все свои мишленовские таланты, чем потом готовить будешь?

– А мы куда едем? – спросила я. Я уже уверенно направилась к лестнице на второй этаж.

– К Волкову. – ответил Миша. На его лице снова появилась хитрая, кривая ухмылка. – Поедем слушать, как Саня виртуозно матерится на своё московское начальство.

* * *

Дорога до дачи Сани Волкова показалась мне бесконечной. Внедорожник Миши громко ревел мотором, пробираясь сквозь снежные заносы. Печка в машине работала отвра-

тительно, как он и предупреждал. Мои ноги в брендовых ботинках начали замерзать. За окном мелькали стволы сосен и огромные сугробы. Карельская ночь была злой и холодной, как и всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.